

Л. Н. ТОЛСТОЙ

<О «Вехах»>

От учителя мы ждем, что он сделает из своего слушателя сначала рассудительного человека, а затем разумного и, наконец, ученого.

Такой прием имеет ту выгоду, что если ученик и не достигнет никогда последней ступени, как это обыкновенно и бывает в действительности, он все-таки выиграет от обучения и станет более опытным и умным если не для школы, то для жизни.

Если же этот прием вывернуть наизнанку, тогда ученик схватывает что-то вроде разума прежде, чем в нем выработается рассудок, и выносит из обучения заимствованную науку, которая только как бы приклеена, но не срослась с ним, причем его духовные способности остались такими же бесплодными, как и раньше, но в то же время сильно испорчены воображаемой ученостью. В этом причина, почему мы нередко встречаем ученых (вернее, обученных людей), которые обнаруживают очень мало рассудка, и почему из академий выходит в жизнь больше нелепых голов, чем из какого-нибудь другого общественного класса.

*Кант*¹

Со всеми людьми, обращающимися к науке нашего времени не для удовлетворения праздного любопытства и не для того, чтобы играть роль в науке, писать, спорить, учить, а обращающимися к ней с прямыми, простыми жизненными вопросами, случается то, что наука отвечает им на тысячи разных, очень хитрых и мудреных вопросов, но только не на тот один вопрос,

на который всякий разумный человек ищет ответа: на вопрос о том, что я такое и как мне жить.

Вчера я прочел в газете о собрании писателей², в котором при обсуждении взглядов, как там говорилось, старой и новой «интеллигенции» выяснилось то, что новая интеллигенция признает для улучшения жизни людей не изменение внешних форм жизни, как это признает старая интеллигенция, а внутреннюю нравственную работу людей над самими собой.

Так как я давно уже и твердо убежден в том, что одно из главных препятствий движения вперед к разумной жизни и благу заключается именно в распространенном и утвердившемся суеверии о том, что внешние изменения форм общественной жизни могут улучшить жизнь людей, то я обрадовался, прочтя это известие, и поспешил достать литературный сборник «Вехи», в котором, как говорилось в статье, были выражены эти взгляды молодой интеллигенции. В предисловии была выражена та же в высшей степени сочувственная мне мысль о суеверии внешнего переустройства и необходимости внутренней работы каждого над самим собой, и я взялся за чтение статей этого сборника.

Но чем дальше я читал, тем больше разочаровывался. Было много говорено <об> особенной касте интеллигенции, выделяемой от всех остальных людей самыми теми людьми, которые принадлежат к этой касте. Велись какие-то счеты и споры между лицами, принадлежащими к этой касте, было очень много упоминаний о модных сочинениях, русских и европейских, признаваемых очень важными авторитетами, о Махе, Авенариусе, Луначарском и др., очень тонкие разъяснения несогласий и недоразумений и опровержения опровержений, была бездна учености и самой новейшей, и в особенности мудреных, выдуманных и не имеющих точного, определенного значения слов. Говорилось о «*пиетете перед мартирологом интеллигенции*», о том, как «*героический максимализм процветает как-то вовне*», как «*психология интеллигентного героизма импонирует какой-то группе*», или как «*религиозный радикализм апеллирует к внутреннему существу человека, а безрелигиозный максимализм отмечает проблематику воспитания*» (с. 139); говорилось об «*интеллигентной идеологии, о политическом импрессионизме, об инсценированной провокации*» (с. 140, 141), об «*искусственно изолирующем процессе абстракции*» (с. 148), об «*адекватном интеллектуальном отображении мира*» (с. 150), о метафизической абсолютизации цен-

ности разрушения» и т. п. Была и чрезвычайная самоуверенность, как личная самих авторов, так и кастовая, интеллигентная. Так, на с. 59 говорилось, что «худо ли это или хорошо, но судьбы России находятся в руках интеллигенции, как бы она ни была гонима и преследуема, как бы ни казалась слаба и даже бессильна в данный момент. Ей, этой горсти, принадлежит монополия европейской образованности и просвещения в России, она есть главный его проводник в толщу стомиллионного народа, и если Россия не может обойтись без этого просвещения, под угрозой политической и национальной смерти, то как высоко и значительно это историческое призвание интеллигенции, сколь огромна и устрашающа ее историческая ответственность перед будущим нашей страны, как ближайшим, так и отдаленным».

Так что в сборнике было очень много того, чего могло и не быть, но не было того одного, чего я да и всякий человек, признающий справедливость сотни раз еще до рождества Христова выраженной всеми мудрецами мира мысли о том, что улучшение жизни человеческой совершается не внешним, а внутренним изменением, имел право искать и ожидать найти в сборнике, а именно указания людей, называющих себя интеллигенцией и в руках которых находятся судьбы России, на то, в чем должна состоять та внутренняя работа, которая должна заменить те внешние формы, которые, судя по предисловию, как будто бы отрицались составителями сборника. (Я говорю «как будто бы», потому что в сборнике же была статья о праве, не только прямо поддерживающая основы внешнего общественного устройства, но отрицающая все то, что должно и может заменить эти внешние формы.)

Ответа на этот вопрос не было ни в одной из статей сборника.

Единственные подобию ответов, хотя и выраженных тем же запутанным и неясным жаргоном, которым написаны все статьи, были в статьях Бердяева и Булгакова. В статье Бердяева говорится, что «сейчас мы духовно нуждаемся в признании самоценности истины, в смирении перед истиной и готовности на отречение во имя ее. Это внесло бы освежающую струю в наше культурное творчество. Ведь философия есть орган самосознания человеческого духа, и орган не индивидуальный, а сверхиндивидуальный и соборный. Но эта сверхиндивидуальность и соборность философского сознания осуществляется лишь на почве традиции универсальной и национальной. Укрепление

такой традиции должно способствовать культурному возрождению России».

Второе же, хотя и очень странное и неожиданное подобие ответа на этот вопрос дается в статье Булгакова, где говорится (с. 66, 67) о том, что «в поголовном почти уходе интеллигенции из церкви и в той культурной изолированности, в которой благодаря этому оказалась эта последняя, заключалось дальнейшее ухудшение исторического положения». Само собой разумеется, говорится дальше, что для того, кто верит в мистическую жизнь церкви, «не имеет решающего значения та или иная ее эмпирическая оболочка в данный исторический момент; какова бы она ни была, она не может и не должна порождать сомнений в конечном торжестве и для всех явном просветлении церкви», и так что если бы «интеллигенция стала церковной, т. е. соединяла бы с просвещенным и ясным пониманием культурных и исторических задач (чего так часто недостает современным церковным деятелям) подлинное христианство, то таковая ответила бы насущной исторической и национальной необходимости».

Читая все это, мне невольно вспоминается старый умерший друг мой, тверской крестьянин Сютаев³, в преклонных годах пришедший к своему ясному, твердому и несогласному с церковным пониманию христианства. Он ставил себе тот самый вопрос, который поставили себе авторы сборника «Вехи». На вопрос этот он отвечал своим тверским говором тремя короткими словами: «Все в тебе», говорил он, «в любви». И все, что нужно и можно сказать, было сказано.

По странной случайности, кроме того, вызванного во мне сборником воспоминания о Сютаеве, я в тот же день, в который читал сборник, получил из Ташкента одно из замечательных, получаемых мною от крестьян писем, письмо от крестьянина, обсуждающее те самые вопросы, которые обсуждаются в сборнике, и так же ясно и определенно, как и слова Сютаева, но более подробно отвечающее на них⁴.

Вот это письмо (прилагаю снимок одной страницы письма). «Основа жизни человеческой любовь, — пишет крестьянин, — и любить человек должен всех без исключения. Любовь может соединить с кем угодно, даже с животным, вот эта-то любовь и есть Бог. Без любви ничто не может спасти человека, и потому не нужно молиться в пустое пространство и стену, умолять нужно только каждому самого себя о том, чтобы быть не извергом, а человеком. И стараться надо каждому самому о хорошей жизни, а не нанимать судей и усмирителей. Каждый

сам себе будь судьей и усмирителем. Если будешь смирен, кроток и любовен, то соединишься с кем угодно. Испытай каждый так делать, и увидишь иной мир и другой свет и достигнешь великого блага, такого, что прежняя жизнь покажется диким зверством. Не надо справляться у других, а самим надо разбирать, что хорошо и что дурно. Надо не делать другим, чего себе не хочешь. Как в гостях люди сидят за одним столом и все одно и то же едят и все сыты бывают, так и на свете жить надо, все одной землей, одним светом пользуемся и потому все вместе должны трудиться и кормиться, потому что все ничье и мы все в этом мире временные гости. Ничего не надо ограничивать, надо только свою гордость ограничить и заменить ее любовью. А любовь уничтожит всякую злобу. А мы теперь только жалуемся друг на друга и осуждаем, а сами, может быть, хуже тех, кого осуждаем. И все теперь как низшие, так и высшие ненавидят так, что даже готовы убивать друг друга. Низшие думают этим убийством обогатить себя, а высшие усмирить народ. И это заблуждение, обогатиться можно только справедливостью, а усмирить людей можно только любовным увещанием, поддержкою, а не убийством. Кроме того, люди так заблудились, что думают, что другие народы, немцы, французы, китайцы, — враги и что можно воевать с ними, надо людям подняться на духовную жизнь и забыть о теле и понять то, что дух во всех один. Поняли бы это люди, все бы любили друг друга. Не было бы меж ними зла, и исполнились бы слова Иисуса, что Царство Божие на земле внутри вас, внутри людей».

Так думает и пишет безграмотный крестьянин, ничего не зная ни о Махе, Авенариусе и Луначарском, но даже и о русской орфографии. Носительница судеб русского народа уверена в своем призвании (с. 59) проведения в толщу стомиллионного народа своих инсценированных провокаций, изолирующих процессов абстракции и еще какой-то философии, которая есть орган сверхиндивидуальный и соборный, осуществляемый лишь на почве традиции универсальной и национальной, или какой-то мистической церкви, в которой должна принять участие интеллигенция и тоже, вероятно, провести ее в толщу стомиллионного невежественного народа.

Развратить народ? Да, это она может, могут те люди, которые называют себя интеллигенцией. Это они и делали и делают, к счастью, благодаря духовной силе русского народа не так успешно, как они желали бы этого, но просветить они уже никак не могут. Ни на чем так не видно бессилие этих людей, запутавшихся в своих неясных понятиях, выражаемых еще более

неясными словами, как то, что хорошие, умные люди, придя к самой несомненной разумной и нужной в наше время истине о том, что истинная жизнь совершается в душах людей, а не во внешнем устройстве, эти люди ничего не могут сказать о том, в чем же должна состоять эта внутренняя жизнь души, а если и говорят об этом, то говорят самый жалкий и пустой вздор. И эти-то люди хотят просветить народ, считают себя не исполнившими призвания, если не научат народ той пустой, напыщенной и громоздкой болтовне, которая называется у них наукой и просвещением. Только поймите, кто вы, и кто тот народ, который вы, жалея его, хотите не лишить своего просвещения. Поймите это, и вам ясно станет, что не просвещать надо вам народ, а учиться у него тому главному делу, которое вы совсем не умеете делать и без которого не может быть никакой разумной деятельности мысли и которое он, в своих лучших представителях, всегда умел и умеет делать: правдиво ставить себе основные, существенные вопросы о жизни и просто, прямо и искренне отвечать на них.

Да, как ни неприятно человеку, зашедшему далеко по ложной дороге, не только остановиться, но пойти сначала назад, а потом по настоящей дороге, но если он не хочет наверное погибнуть, он должен сделать это. То же самое и с нами, с нашей ученостью, утонченностью и бесконечными разногласящими теориями о том, как устроить род человеческий. Убеждает меня в этом в особенности то, что с каждым днем я вижу все большую и большую запутанность и извращенность и чувства и мыслей людей так называемого образованного мира как у нас, так и во всей Европе и Америке и рядом с этим с каждым днем вижу все большее и большее пробуждение народа, в особенности русского, к сознанию своей божественной духовной природы и к вытекающему из этого сознания совсем иного, чем прежде, отношения к своей жизни. Надо же наконец признать то, <что> мы, так называемые образованные классы, не только у нас в России, но и во всем христианском мире, надо признать наконец то, что мы запутались, заблудились, идем по ложной дороге, и постараться выбраться на настоящую. А для того, чтобы это было возможно, нам нужно прежде всего признать ненужным, пустым и вредным тот сложный кодекс ненужных знаний, которым мы так гордились, называя это наукой, и попытаться думать своей головой, и не о том, что взбредет в голову праздным людям, заучивая эти бредни и споря против них, а о том, что действительно нужно людям для разумной доброй жизни.

А сделаем мы это, и мы сойдемся в постановке вопросов и ответах на них не с Дарвинами, Геккелями, Марксами, Авенариусами, а со всеми величайшими религиозными мыслителями всех времен и народов⁵.

9 мая 1909 г.

(Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.
М., 1936. Т. 38. С. 285—290)

